

В.М. ЗУБАРЬ, А.И. ХВОРОСТЯНЫЙ. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев: Институт археологии НАН Украины, 2000. 179 с. 68 илл.

Распространение христианства в Северном Причерноморье давно уже привлекает внимание исследователей. В дореволюционной российской, советской и постсоветской российской и украинской историографии существует большое количество работ (или разделов в работах), посвященных отдельным группам источников по данной тематике, имеется также несколько статей, касающихся христианизации Боспора и Херсонеса. Однако до сих пор в печати не появилось ни одного исследования, в котором рассматривался бы процесс христианизации Северного Причерноморья в целом. Рецензируемая монография представляет собой первый опыт такого исследования. За прошедшие после публикации книги несколько лет ситуация в этом плане не изменилась, хотя появился ряд новых работ, посвященных преимущественно христианизации Херсонеса и его округи¹.

В небольшом предисловии авторы формулируют свою задачу: исследование христианизации Северного Причерноморья как части исторического процесса на основе комплексного анализа источников.

I глава, написанная В.М. Зубарем и А.И. Хворостяным, представляет собой очерк политической и социально-экономической истории Северного Причерноморья в III–IV вв. Необходимость рассмотрения этих вопросов в плане выявления предпосылок христианизации сомнений, безусловно, не вызывает. Следует, однако, заметить, что авторы четко обозначают в этой главе только один фактор, способствующий распространению христианства, а именно – политику Римской, а затем Византийской империи. Что же касается других факторов, то они не выделены авторами из огромной массы приведенных ими явлений и событий, многие из которых, по крайней мере, при нынешнем уровне наших знаний, не могут быть сочтены непосредственными предпосылками христианизации. Поэтому, как мне представляется, эту главу вполне можно было сделать более компактной, акцентировав одни моменты и сократив или опустив другие, ограничившись ссылками на соответствующую литературу. При этом нельзя не согласиться с предложенным здесь выделением особого позднеантичного периода на стыке древности и раннего средневековья, который является в Северном Причерноморье (и не только там) временем распространения и укрепления христианства. Авторы вполне обоснованно подчеркивают здесь роль Херсонеса как главного опорного пункта Римской (позднее – Византийской) империи в Северном Причерноморье, что неминусом вело и к превращению его в крупный христианский центр. Оправдана, на мой взгляд, и данная здесь оценка роли христианской церкви на Боспоре как силы, способствовавшей сохранению в какой-то мере целостности этого государства в позднеантичный период и его ориентации на Византию.

II глава, посвященная христианизации Херсонеса и Юго-Западной Таврики, написана В.М. Зубарем. В начале главы автор анализирует религиозную жизнь Херсонеса в первые века нашей эры, выделяя те факторы, которые могли способствовать распространению там христианства. Автор справедливо относит к таковым проникновение в Херсонес восточных мистических культов с тенденцией к монотеизму, появление новых явлений в заупокойном культе и погребальных обрядах, связанных с верой в возможность достижения загробного блаженства, наконец, распространение иудаизма. По последнему пункту в научный оборот недавно были введены весьма существенные сведения. При этом автор поддерживает точку зрения о сравнительно консервативном в целом характере херсонесской религиозной жизни этого времени, что также не вызывает возражений.

Переходя непосредственно к вопросу о проникновении христианства в Херсонес, В.М. Зубарь сразу определяет свой подход к источниковой базе исследования, а именно безусловное предпочтение археологических данных и значительно меньшее использование письменных свидетельств (памятников агиографии). Разумеется, такой подход отчасти оправдан, поскольку письменные источники по данной тематике неоднократно уже исследовались в литературе (хо-

¹ См. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. У истоков христианства в юго-западной Таврике: эпоха и вера. Киев, 2005.

тя часто и некритически). Однако автор, как мне кажется, не вполне прав, не видя существенных различий между преданиями о пребывании в Херсонесе апостола Андрея и Климента папы Римского, с одной стороны, и различными версиями «Житий св. епископов Херсонских» – с другой. Конечно, «Жития» составлены спустя несколько веков после описанных в них событий и, как справедливо отмечает В.М. Зубарь, весьма тенденциозны, однако, как представляется, в них нашли отражение реальные события, связанные с проникновением христианства в Херсонес во времена Диоклетиана и Константина, в то время как по доступным нам археологическим данным, присутствию христианства в Херсонесе можно надежно засвидетельствовать лишь со второй половины IV в. Говоря о преданиях, связанных с мученичеством в Херсонесе Климента папы Римского, автор допускает фактическую неточность. На с. 54 мы читаем: «Кончину Климента связывает с Херсонесом только в VI в. Григорий Турский». Действительно, Григорий впервые излагает известное нам предание о мученичестве и чудесах св. Климента (утопление его с якорем на шее, ежегодное чудо, когда море расступалось, открывая доступ к его гробнице), но он еще не связывает его с Херсонесом и вообще не дает какой-либо локализации (Steg. Tur. Mirac. lib. I, cap. XXXV). В то же время одно из посмертных чудес Климента он локализует на юге Франции, в районе Лимузена (ibid. cap. XXXVII). Впервые локализация мученичества св. Климента в Херсонесе встречается в источниках IX в.² Рассматривая христианизацию Херсонеса, В.М. Зубарь использует разнообразные группы археологических источников, впрочем, практически оставляя вне поля своего внимания данные эпиграфики. Прежде всего использованы материалы некрополя. Сам автор аргументирует это тем обстоятельством, что городские культурные слои и строительные остатки были в значительной степени нарушены в VI–VII веках, погребения же в основном остались нетронутыми, что, впрочем, не всегда относится к фамильным склепам. Использование подобных источников даст интересный и значимый материал, но когда речь идет о начале проникновения христианства в тот или иной регион, исследователю и читателю следует иметь в виду, что христианская символика во всех областях Римской империи появилась сравнительно поздно, особенно использование креста; первые христианские проповедники не оставляли «материальных» следов, поэтому, учитывая широкую миссионерскую деятельность христиан, и в Херсонесе, и на Боспоре они могли появиться ранее IV в., хотя можно согласиться с автором, что массовая христианизация в Херсонесе произошла после VI в. Особое внимание автор уделяет группе склепов с росписью, которые впервые были исследованы М.И. Ростовцевым. В результате раскопок, проведенных В.М. Зубарем в 1998–1999 годах, к этой группе прибавилось еще два склепа с росписью. Автор поддерживает вывод М.И. Ростовцева о восточных, сиро-палестинских истоках того живописного стиля, который проявляется в этих росписях. Анализируя их, он делает предположение об их монофизитском характере, отмечая, впрочем, что говорить об этом в утвердительном смысле невозможно. Поддерживает автор вывод М.И. Скубетова и М.И. Ростовцева о превращении одного из склепов (на принадлежавшей Н.И. Туру земле) в небольшую церковь. Что касается датировки склепов с росписью, то здесь автор пересматривает выводы М.И. Ростовцева, относившего их ко второй половине IV в. – началу V в. По мнению В.М. Зубаря, эти памятники должны быть датированы второй половиной V–VI в. Однако такая передатировка, на мой взгляд, должна быть в свою очередь скорректирована. Вещевые находки в склепах, а также аналогии между отдельными мотивами их росписей и мозаиками херсонесских базилик VI в. вряд ли могут служить надежной основой для датировки: все изученные склепы вскрывались еще в древности, так что наличие там предметов VI–VII вв. ничего, в принципе, не доказывает, что же касается наличия и в росписях склепов, и на мозаичных полах базилик изображений павлинов по сторонам чаши, птиц, растений, то эти мотивы существовали в течение нескольких веков в позднеантичном (языческом) и раннехристианском искусстве. Как мне представляется, необходимо сопоставление всей системы росписей херсонесских склепов с надежно датированными стилистически близкими росписями склепов других регионов. Как отмечал М.И. Ростовцев, и с чем согласен В.М. Зубарь, наиболее близкими херсонесским росписным склепам являются аналогичные памятники некрополя Сердики (Софии), хронология живописи которых разработана болгарскими исследователями³. Если считать эту хронологию надежной, то по всем аналогиям росписи херсонесских склепов следует относить к V в., исключая его конец. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в склепах

² Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы Римского, в истории византийской и древнерусской церкви IX – первой половины XI в. // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli. Aion Slavistica*. 5. 1997–1998. P. 514–519.

³ Овчаров Д. Архитектура и декорация на старохристианските гробници в напите земи // *Археология*. Год. XIX. Кн. 4. София, 1977; Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV–VII век. София, 1978. С. 26–30.

софийского некрополя конца V–VI в. роспись имеется только в люнетах и на сводах, на стенах же полностью отсутствует, в то время как все расписные склепы Херсонеса имеют на стенах живопись, включающую имитацию мраморной облицовки, изображения растений, птиц, а в одном случае юноши со свечой, что находит аналогию в росписях софийских склепов конца IV–V в. Наиболее поздней среди рассматриваемой группы памятников В.М. Зубарь считает роспись одной из стен склепа, обнаруженного в 1912 г. на земле, принадлежавшей Н.И. Туру, с изображением крепости и двух человеческих фигур, относя ее на основании аналогий к VII в. С этой датировкой, по-видимому, следует согласиться. Надо иметь в виду, что, как уже говорилось, склеп, где находится данная роспись, подвергся перестройке, в результате которой был превращен в церковь. Рассматривая росписи херсонесских христианских склепов, В.М. Зубарь сопоставляет их с принципиально иным оформлением христианских склепов Боспора, где использованы прежде всего пространные надписи и изображения крестов. Автор объясняет это различие особенностями процесса проникновения христианства в Херсонес и на Боспор. Я думаю, здесь важно еще раз отметить указанную выше близость росписей склепов Херсонеса и Сердики: Херсонес был более тесно, чем Боспор, связан с дунайскими провинциями Римской империи, что проявлялось и в области духовной культуры. Как уже отмечалось, в росписях херсонесских склепов, как и склепов Сердики, явно видна сиро-палестинская основа, так что либо Херсонес попал в ту же сферу культурного влияния, что и Фракия, либо же обычай расписывать склепы пришел в Херсонес не непосредственно с Ближнего Востока, а через посредство дунайских провинций.

В датировке херсонесских базилик (конец V–VI в.) В.М. Зубарь вполне обоснованно следует А.Л. Якобсону. Так же обоснованно автор отвергает аргументы С.А. Беляева о датировке «базилики на холме» первой половиной IV в. Не очень понятна мысль автора о том, что херсонесские христиане первоначально молились не в церквях, а в каких-то иных культовых сооружениях (с. 93). В конце концов, любое сооружение, предназначенное для отправления христианского культа и соответствующим образом оформленное, – это именно церковь. До строительства церквей, если судить по аналогиям, христиане доникейского времени собирались в частных домах, где устраивались своеобразные молельни (как это было, например, в Риме).

В заключительной части главы автор рассматривает процесс распространения христианства в Юго-Западной Таврике, обобщая обширный археологический материал, в том числе полученный в ходе раскопок недавнего времени. Первые следы христианства здесь зафиксированы в VI в., а массовая христианизация населения произошла значительно позже.

III глава, посвященная распространению христианства на Боспоре, написана А.И. Хворостяным. В начале главы автор кратко обозначает основные тенденции в религиозной жизни Боспора, способствовавшие распространению там христианства. Он дает не только характеристики официальных культов, но и отмечает изменения в социальной психологии гражданского населения, что выразилось в преобладании частных сообществ, члены которых искали защиты у неофициальных божеств. Исследователь справедливо выделяет среди них культ Бога Высочайшего, о котором, на мой взгляд, следовало бы написать подробнее. Также вполне справедливо автор связывает с пропагандой иудаизма и культа Бога Высочайшего процесс отъезда на свободу рабов в первые века нашей эры. Разбирая эти вопросы, он в основном присоединяется к точкам зрения, высказанным в имеющейся литературе.

Переходя непосредственно к исследованию христианизации Боспора, А.И. Хворостяный рассматривает более или менее подробно все основные источники по этому вопросу: склепы, в том числе с надписями, надгробия, культовые сооружения, предметы с христианской символикой, немногочисленные свидетельства литературных источников. Говоря о христианских боспорских склепах, автор в ряде случаев удачно корректирует датировки, данные предшественниками. При рассмотрении других групп источников он большей частью принимает выводы исследователей, писавших о них ранее, хотя, конечно, и не всегда безоговорочно. Что касается хронологии, то, на мой взгляд, нельзя согласиться с категорическим утверждением автора о том, что христианство на Боспоре распространялось лишь с начала IV в. Во-первых, нельзя недооценивать значение известной геммы из новоотраденского некрополя, которая все же дает основание предположить, что некоторые жители Боспора были связаны с христианством в III в. Затем, датированная 304 годом надгробная надпись Евтропия также свидетельствует в пользу того, что христианство на Боспоре распространялось еще в III в. Конечно, в надписи не указан возраст Евтропия и, таким образом, не известно, в каком возрасте он стал христианином, однако мне кажется логичным предположить, что христианин, умерший в первые годы IV в., мог креститься за несколько десятилетий до этого, т.е. по меньшей мере в последней четверти или трети III в. Преувеличенными мне представляются сомнения автора в реальности существова-

ния боспорского епископа Кадма и факта его присутствия на Никейском соборе. Наличие его имени, хотя и с разночтениями, в большинстве списков имен участников Собора как раз и свидетельствует, на мой взгляд, о реальности его подписи в актах Собора. Искажения же естественным образом вызваны тем обстоятельством, что имя епископа незначительной захолустной епархии вряд ли могло быть широко известным, особенно позднейшим переписчикам.

Рассматривая известную надпись V в. на мраморной колонне с Таманского полуострова (КБН. № 1099), А.И. Хворостяный высказывает предположение, что в основном там фигурируют имена язычников, а христианами являются только Саваг и Трофим, перед именами которых стоят кресты. Предположение это представляется мне абсолютно неправдоподобным, ибо всему списку имен предшествует явно христианская формула μετὰ τῶν ὁμῶν. Скорее, как мне кажется, можно предположить, что крестами отмечены имена новопреставленных членов общины (фиаса), тем более что после имени Трофима, по предположению Ю.Г. Виноградова, читается ὁ μάρ(τυς) – «мученик» (В.П. Яйленко читает здесь имя Ομάρ)⁴. Ю.Г. Виноградов полагал, что имя Савага выделено крестом из-за его высокого общественного положения (комит), а мученик Трофим удостоился посмертного включения навечно в списки общины. Мне эта трактовка, при которой одним и тем же знаком помечены имена живого и умершего, представляется несколько натянутой. В конце концов, ничто не препятствует допущению, что Саваг к моменту появления этой надписи, датирующей периодом 484–493 гг., успел умереть. Напомним, что в усыпальнице Савага, обнаруженной в Керчи, читается дата – 491 г. н.э.⁵

Утверждая, что в боспорской христианской прозографии отсутствуют имена иудейского происхождения, автор ссылается на работу И.А. Емца и мою⁶. Формулировку, данную там, я хотел бы уточнить, так как она была, по-видимому, не вполне корректной. Конечно, количество иудейских имен среди боспорских христиан на удивление ничтожно, однако об абсолютном их отсутствии говорить явно не следует. Если надгробие Марии (КБН. № 759) нельзя безоговорочно считать христианским, то и иудейская символика на нем отсутствует. Имя Самбатсион в первые века нашей эры могло, разумеется, принадлежать не обязательно иудею, но его иудейское происхождение этим не отменяется. В заключительной части главы автор пишет о том, что на боспорских надгробиях V–VI вв. отсутствуют уже формулы, характерные для античных эпитафий. Между тем основной формулой в это время остается известная еще с языческих времен εὐδαίε κείται (κατακείται).

В «Заключении» В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный подводят итоги исследования, вкратце повторяя основные положения, высказанные в трех главах. Авторы делают вывод о том, что главным фактором христианизации региона была политика Византийской империи, причем окончательно христианство здесь утвердилось в качестве главенствующей религии в эпоху императора Юстиниана I, с чем нельзя не согласиться.

Работа снабжена обширным резюме на английском языке. Этот факт, конечно, следует приветствовать, однако нельзя не отметить целый ряд бросающихся в глаза ляпсусов, таких, как *fiases*, *Neua*, *Bosporian tsar*, *Thyritaca* вместо: *thiasoi* (thiasoi), *Gaea*, *Bosporian king*, *Tyritake* (Tyritake).

Большой интерес представляет помещенный в приложение к монографии «Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998–1999 гг.» (авторы: В.М. Зубарь, Р. Пиллингер, Е.Я. Туровский, Н.А. Сон, М.В. Русяева, А.М. Фарбей). Описанные здесь два расписных склепа – первые, открытые после перерыва почти в 90 лет, прошедших после выхода фундаментального труда М.И. Ростовцева. В отчете приведены подробное словесное описание и графическая фиксация склепов, даны также описание и графическое воспроизведение материалов, обнаруженных в заполнении склепов. Если судить по фотографическим воспроизведениям росписей склепов, то при несомненном сходстве с теми, которые были опубликованы М.И. Ростовцевым, они имеют и явные отличия от них, что проявляется прежде всего в характере гирлянд: в росписях склепов, открытых в начале XX в., изображены лавровые гирлянды, в новооткрытых – гирлянды из цветов. Другие элементы изображений – это цветы (трактованнные, на мой взгляд, также несколько иначе, чем растения на ранее известных росписях), павлин, птица (голубь), чаша. Все это дает основания авторам сделать предположение о христианском характере новооткрытых памятников. Однако надо заметить, что несомненные христианские символы в этих росписях отсутствуют, в отличие от ранее известных, где встречены изображения хризмы. Разумеется, эти росписи нуждаются в спе-

⁴ Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 241. Прим. 36; Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 1987. 48. С. 164–165.

⁵ Виноградов. Ук. соч. С. 239. Прим. 28. С. 240.

⁶ Диатроптов П.Д., Емец И.А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. Вып. 2. М., 1995. С. 23.

циальном исследовании в контексте позднеантичной и раннехристианской живописи. Хотелось бы выразить пожелание, чтобы фотографии росписей были в дальнейшем опубликованы в более крупном масштабе и в сопровождении прорисовок.

В заполнении дромоса склепа № 2 обнаружен обломок известнякового рельефа, который авторы датируют первыми веками нашей эры. По трактовке авторов на этом фрагменте представлена нижняя часть женской фигуры в длинном хитоне (что несомненно), а слева от нее расположены лапы, предположительно, льва. Вся сцена гипотетически интерпретируется как изображение стоящей или сидящей в кресле Кибелы и стоящего рядом с ней льва. Однако, как мне представляется, на фрагменте показаны не лапы живого льва, а две ножки круглого трехногого столика, трактованные в виде львиных лап: правая в профиль, средняя – прямо. Для животного такое положение лап было бы неестественным. В таком случае фрагмент рельефа следует, скорее всего, интерпретировать как часть композиции «загробной трапезы» в несколько необычной трактовке. Как правило, в правом нижнем углу рельефов этого сюжета изображался слуга в коротком хитоне. Здесь же мы видим, вероятно, девочку-служанку или, что более сомнительно, сидящую в кресле женщину, обычно изображавшуюся в левой части композиции. Справа от этой фигуры показана, по-видимому, ножка ложа, на котором в реконструируемой композиции возлежит мужчина (герой или героизированный умерший). Материалы, обнаруженные в обоих склепах, в основном носят случайный характер вследствие ограбления их в древности и в недавнем прошлом.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемая книга имеет важное значение для исследования христианизации Северного Причерноморья как первый опыт обобщающего труда по данной теме. Невзирая на спорные моменты и определенные недочеты, отмеченные в рецензии, эта книга, несомненно, – серьезное исследование, представляющее интерес для специалистов, занимающихся историей Северного Причерноморья на стыке античности и средневековья.

И.Д. Диатропов

© 2006 г.

Ancient Egyptian Temple at Tell Ibrahim Awad: Excavations and Discoveries in the Nile Delta / Ed. by G.A. Belova and T.A. Sherkova. M.: «Aleteia», 2002. 192 p. 120 photos couleurs, 64 Ill.

Dans l'histoire de l'archéologie égyptienne, le delta du Nil resta «vide d'intérêt» pendant une longue période. C'est juste durant les dernières décennies que des fouilles archéologiques ont débuté de façon active sur des sites historiques dans cette vaste région. Le Delta constitue à l'heure actuelle une zone d'étude privilégiée par le Service des antiquités de l'Égypte en raison des menaces que font peser sur son patrimoine archéologique les grands travaux modernes de développement des terres et d'urbanisation. Un grand nombre d'expéditions d'égyptologues de différents pays incluant des expéditions internationales ont fait d'importantes découvertes qui permettent d'introduire des correctifs dans les interprétations scientifiques sur le déroulement du processus historique dans l'ancienne Égypte.

La carte archéologique moderne du delta du Nil montre le rôle important du Delta dans l'histoire de l'Égypte au moins du VIème – Vème millénaire avant J.C. De nouvelles découvertes permettent de combler le vide au regard d'une série de problèmes concernant l'étude de la civilisation de l'ancienne Égypte. La matière qui enrichit les sources des bases d'études a créé les fondations pour la construction d'une image d'événements complexes sur la formation des premiers royaumes.

Suite au succès des fouilles de Bouto, la plus ancienne capitale du Delta, une douzaine de sites et nécropoles des temps pré-dynastiques et des premières dynasties ont été découverts et étudiés. Ces sites et nécropoles sont principalement concentrés dans le nord-est et le nord du Delta comme une chaîne le long des anciens lits du Nil et de canaux. Dans ce contexte les fouilles de Tell Ibrahim Awad sont de première importance car elles ont révélé des structures cultiques qui ont été fondés à la fin de la période pré-dynastique.